

Святитель Димитрий Ростовский и понимание греха в русском обществе рубежа XVII—XVIII вв.

А. О. Крылов

Эпоха раннего Нового времени в Европе стала периодом значительных изменений в духовно-нравственной сфере. Одной из важных черт религиозности Нового времени была тенденция к интернализации¹ норм христианской жизни. Исследователи говорят о «тенденции в направлении к более личной, искренней и интернализированной религии»², о «процессе интернализации, развития христианского сознания, понимания греха и желания “жить чисто”»³. Подобное внутреннее усвоение христианских норм шло бок о бок с изменением общественных нравов, выразившимся в значительном усилении требований «хорошего поведения», под которым понимался контроль над аффектами и влечениями, «интимизацией» телесных функций. В исторической социологии это процесс получил название «процесса цивилизации»⁴. Тем самым происходил переход от довольно свободных норм поведения, свойственных Средневековью, к жёстким правилам хорошего тона XIX столетия.

Повышение религиозных и светских стандартов поведения оказало значительное влияние на политику государственных и церковных властей Европы раннего Нового времени. В XVI—XVII вв. они прилагают колоссальные усилия для установления контроля над поведением населения, внедряя новые модели поведения и формируя новый менталитет. Этот феномен получил в историографии название «социальной дисциплинаризации». Причины его были различны. Среди них — и поступательное развитие государства, нуждавшегося в более управляемых подданных, и распространение философии нестоицизма, основанной на идеях сильной воли, самовоспитания и дисциплины, и религиозный подъем, актуализировавший идеал христианской жизни.

Одним из важных компонентов социальной дисциплины стала деятельность по поднятию нравов. Озабоченность нравственным состоянием народа в это время высказывают не только клирики различных конфессий, но и государственные деятели, и представители общества. Волна требований нравственного реформирования в христианском мире достигает своего пика ко второй половине XVI в. Часто эти требования аргументировались состоянием небывалой греховности общества. Однако подлинной причиной являлось, скорее, повышение нравственных требований и чувствительности к отступлениям от них: то, что считалось допустимым в Средневековье, стало неприемлемым в раннее Новое время⁵.

Реформация и раскол единой Католической церкви привели к появлению в Европе различных ответов на вызов потребности в нравственном реформиро-

вании. В целом эти ответы можно разделить на два типа: внешняя дисциплина и внутренняя дисциплина. Поддержания внешней дисциплины означало усиление контроля властей за поступками верующих. В протестантских церквях для этих целей создавались специальные учреждения: церковные суды - у лютеран, консистории - у кальвинистов. Католическая церковь сохранила и развила те институты и практики, которые сложились в Средневековье. К ним относилась инквизиция, действовавшая в ряде Средиземноморских стран, система церковных судов разного уровня. Была возрождена полузабытая в позднее Средневековье практика визитаций: регулярных посещений архиереем своего диоцеза, а приходским священником — домов паствы.

В вопросах внутренней дисциплины центральным во всех христианских конфессиях по-прежнему было покаяние в грехах. Между тем на вопрос, каким должно быть покаяние, различные конфессии отвечали по-разному. В протестантских церквях покаяние становится сугубо внутренним актом, не требующим никаких особых внешних действий. В католической и православной церквях покаяние в грехах теснейшим образом связано с таинством Исповеди.

Поэтому изучение содержания исповеди, тех грехов, в которых считалось необходимым каяться, позволяет в значительной мере осветить процессы изменения внутренних норм людей раннего Нового времени. С одной стороны, изменение понимания греха, отклонения от нормы влияло на содержание исповеди, с другой эти изменения во многом и определялись поучениями духовников и самой необходимостью рефлексировать над своими поступками, исповедуя грехи в таинстве Исповеди. В данном очерке наше внимание будет обращено преимущественно на религиозный аспект изменений и роль в них свт. Димитрия Ростовского, чьё нравственное богословие оказало значительное влияние на русское общество XVIII в.

Несмотря на то, что учение о том, как следует жить духовной жизнью, было подробно разработано христианскими богословами и аскетами в I тыс. н. э., восприятие греха в широких слоях мирян оставалось весьма неглубоким. В течение долгого времени покаяние воспринималось, прежде всего, как примирение человека с общиной, и, соответственно, внимание обращалось на действия, совершенные открыто. В латинской Европе в Средние века большинство католиков при исповеди обращали внимание, прежде всего, на явные прегрешения и греховные поступки: даже в начале XV в. греховные помыслы еще не считалось необходимым исповедовать⁶. Тщательная исповедь, глубоко затрагивавшая душу, была уделом отдельных общин, посвящавших себя сугубому покаянию. Движение «Нового благочестия», возникшее в XIV— XV вв., распространяло мысль о том, что внимательное отношение к своей внутренней жизни, покаяние в греховных помыслах возможно и для мирян. Однако в целом в Европе накануне религиозных потрясений XVI столетия кающийся уподоблялся счетоводу, стремящемуся к максимально полному перечислению своих грехов⁷. Неудивительно, что Лютер, на собственном опыте разочаровавшись в такой практике, заявил, что человек не может перечислить все свои грехи, а, значит, сам принцип исповеди через называние всех совершенных грехов

является порочным⁸. Деятели католической реформы, не менее идеологов Реформации озабоченные повышением нравственного уровня церкви, сохраняли традиционную форму исповедания грехов, однако стремились сделать её менее формальной и более затрагивающей внутреннюю жизнь христианина. Свое выражение эта тенденция нашла во введении в практику католической церкви исповедальни-конфессионала, т.е. особого помещения, в котором кающийся наедине со священником мог тщательно исповедать свои грехи. Новое отношение к покаянию сделало исповедь важным фактором того, что общество Европы Нового времени становится более восприимчивым к нарушениям христианских нравственных норм⁹.

Изучение изменения взгляда на греховность на Руси в Средневековье и раннее Новое время является возможным благодаря ряду памятников, в той или иной форме предназначенных для помощи духовникам в исповедании кающихся. Наиболее ранним из них является «Вопрошанию Кирика» XII в., в котором содержатся вопросы нескольких новгородских священников к своему епископу и ответы на них. «Вопрошание Кирика» показывает, что представление о грехе на Руси в это время было тесно связано с противопоставлением святости и скверны. Нравственные обязанности христианина понимались, прежде всего, как достойное отношение к святости и недопущение ее осквернения. Для окончательного избавления от греховной нечистоты считались необходимыми епитимьи, представлявшие собой, как правило, внешние, телесные подвиги¹⁰. Вопросы святости и ее осквернения через нечистоту занимали духовников того времени гораздо больше, чем борьба с душевными страстями.

Такое понимание греховности было характерно для русской духовной традиции и в дальнейшем. Это видно на материалах исповедных вопросников, которые появляются на Руси с XIV в. Они содержали возможный перечень грехов, о которых духовник спрашивал кающегося. Существовали и т.н. «повновления» — списки грехов, изложенные от лица самого кающегося. Подобные вопросники сразу же получают большое распространение, и становятся полем для творчества русских книжников. Они значительно подробнее, чем аналогичные им греческие и южнославянские. Со временем в исповедных вопросниках выделяются все более мелкие и специализированные грехи, создаются отдельные списки грехов для мужчин и женщин, а позднее — для людей разного социального положения и профессии. Пик творчества и разнообразия в составлении исповедных вопросников приходится на кон. XVI — нач. XVII вв., когда создаются многочисленные тексты, достигающие 100–150 статей. Внимание в них уделяется, прежде всего, греховным поступкам и разнообразным формам осквернения, таким как блудные грехи и суеверия. «Вопросов, часто не связанных с какими-то конкретными действиями человека, а посвященных таким отвлеченным понятиям, как уныние, гордыня и т.д., в исповедных вопросниках не много»¹¹. Можно говорить о развитии тех представлений, которые существовали на Руси еще в первые века после принятия христианства.

Однако в раннее Новое время представление о греховности начинает изменяться. С XVI в., а в особенности — в XVII в. в исповедных вопросниках

все большое внимание начинает уделяться грехам душевным, такие как гнев, зависть, обида¹². С изданием в 1623 г. первого печатного требника рукописная традиция начинает угасать; перечни грехов, о которых следует спрашивать на исповеди, теперь составляются в Москве под непосредственным контролем священноначалия. В тексте из печатного требника 1623 г. из 59 вопросов для мирян по одному вопросу уделено таким «внутренним» страстям как гнев, обида и зависть, по 3 вопроса неподобающим развлечениям, большая часть остальных посвящена кощунству, осквернению и причинению вреда ближним и их имуществу. Вопросов о грехах уныния и тщеславия нет¹³. В вопросах для священников из статей, не касающихся небрежного отношения к священническим обязанностям и предметам, а также неподобающего поведения, есть лишь о клевете на епископа или причетника и о хвастовстве своей службой и осуждением службы других клириков¹⁴. В Требнике 1642 г. душевные грехи перечислены гораздо полнее, однако в расширенном тексте поновления для мирян, внимание уделяется разнообразным формам внешних грехов¹⁵.

Важной вехой стала книжная справа патриарха Никона. По мнению Н. И. Сазоновой, в новый Требник был внесен ряд изменений, подчеркивавших, что Бог является не только строгим Судией, но и милующим и человеколюбивым¹⁶. От перечисления конкретных грехов в богослужебных текстах делается переход к понятию греха вообще¹⁷. В чинопоследованиях снижается эмоциональность покаянных молитв, а сами они сокращаются. Акцент делается не на кары Бога за грехи, но на дары Господа праведникам¹⁸. В исправленном Требнике 1658 г. длинное и подробное перечисление грехов в русле традиции рукописных исповедных вопросников отсутствует. Перечень грехов гораздо более краток и структурирован, каждая группа снабжена кратким комментарием. В заключение советуется: «И прочие воспоминает грехи смертные: гордость, лихоимение, блуд, зависть, чревобесие, гнев, ленивство, и вся грехи от седми матерей раждающиеся»¹⁹ с рассуждением и различием статуса кающегося. Таким образом, реформа патриарха Никона как бы форсировала тенденцию к более тонкому пониманию человеческой греховности. Эта тенденция, как было показано выше, была характерна для русской Церкви еще с XVI в. В течение второй половины XVII в. требники печатались по образцу исправленного текста 1658 г. Так, в Требнике 1698 г. раздел о таинстве Покаяния практически совпадает с таковым в Требнике 1658 г.²⁰, наибольшие отличия заключаются в составе поучений и рекомендаций для священников, помешавшихся после чинопоследования исповеди и перечня грехов.

Другой важной тенденцией, наблюдаемой в исповедальных вопросниках XVI–XVII вв., является появление акцента на грехах против веры, отличных от суеверия, магических практик или кощунства. Со второй половины XVI в. появляются вопросы об ортодоксальности веры кающегося, сперва как согласие с основами вероучения: почитанием Троицы, Богородицы, святых, креста и икон. В XVII в. появляется требование прочесть перед исповедью символ веры наизусть, позднее духовники начинают проверять перстосложение при крестном знамении, знание основных молитв²¹. Так, в Требнике 1642 г. перечень

грехов идет после вопросов священника о вере и надлежащих ответов кающегося на них²². Также среди грехов есть такие как тесное общение с иноверцами и похвала их обычаев²³. Перечень грехов в Требнике 1658 г. начинается с блока вопросов о ереси²⁴. В тексте в рукописных требниках кон. XVII в. появляется запрет читать и изучать «отреченные книги»: «Не считаешь ли отметных книг богоборных и не внищайши ли в протчия еретическия книги?»²⁵

Таким образом, к концу XVII в. в понимании греховности в Великорусской церкви прослеживаются две тенденции: усилении внимания к душевным грехам и к отступлениям от ортодоксии. Важно отметить, что обе тенденции проявляются еще в XVI в. и нарастают в XVII в., вне прямой зависимости от событий Раскола.

Есть все основания предполагать, что те же самые тенденции были свойственны и западно-русской церкви. Однако проследить это на источниках сложно, в связи с отсутствием исследований, посвященных рукописной традиции западно-русских исповедальных вопросников, а также по причине того, что в западно-русских печатных требниках XVII в. отсутствуют списки грехов. Это касается как первых печатных требников²⁶, так и Требника свт. Петра Могилы 1646 г.²⁷, ставшего образцовым для Малоросской церкви второй половины XVII в. Поскольку при составлении текста Требника 1658 г. справщики пользовались Требником свт. Петра Могилы²⁸, а разделы о покаянии в обоих Требниках структурно схожи, то можно сделать обоснованное предположение о влиянии западно-русской традиции на великорусскую²⁹. В частности, это нашло выражение в отказе от подробного перечисления грехов, а также в выделении семи смертных грехов, в том виде, в каком они были восприняты в Малороссии из католической традиции³⁰.

Дальнейшее влияние на понимание греховности, как в малорусской, так и в великорусской церквях, оказал труд архим. Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку»³¹. Изданное в Киеве в 1669 г. это сочинение было хорошо известно в Великороссии, так как значительная часть тиража была куплена царской казной и разслана по епархиям и монастырям³². «Мир с Богом человеку» представлял собой компиляцию из трех сочинений польского доминиканца Миколая Мосчиского. Архим. Иннокентий Гизель отредактировал текст, дополнив его обильными цитатами из Священного писания и заменив ряд католических текстов аналогичными по смыслу, но принадлежащими к православной традиции, а также удалив отсылки к схоластам XVI–XVII вв. Причиной создания «Мира с Богом человеку» было отсутствие в православной традиции практических пособий по нравственному богословию. Иннокентий Гизель создал фундаментальный труд, не только ставший первым православным пособием по нравственному богословию, но и создавший единый понятийный аппарат, связанный с учением о грехах³³.

Таким образом, к рубежу XVII–XVIII вв. в русской Церкви идет изменение понимания греховности. Это было связано как с продолжавшейся с XVI в. тенденции более пристального внимания к душевным грехам, так и со специфическим влиянием могилянской традиции, со свойственным ей стремлением

к рецепции и адаптации католического богословия. Учитывая это, важно понять, каким был взгляд на греховность у свт. Димитрия, и каковы были те представления о грехе и покаянии, которым свт. Димитрий считал необходимым научить паству в своих сочинениях и в проповедях.

Свт. Димитрий обращался к традиционным русским формам исповедальных текстов. Таковым является «Краткое нравоучение христианину» — небольшое произведение свт. Димитрия, предназначенное для самой простой его паствы³⁴. Оно описывает, как следует жить православному христианину, и состоит из 19 кратких заповедей, в которых описываются наиболее актуальные для простого прихожанина добродетели и грехи. При всей лаконичности «Краткого нравоучения», можно сказать, что в нем основное внимание уделено именно духовной жизни христианина, а грехи рассматриваются как следствия духовного нестроения. Основное внимание уделено грехам мыслью и словом, греховные дела представляются как их последствия. В целом, задача «Краткого нравоучения» — формирование положительного идеала, а не перечисление повседневных грехов. Любопытна заповедь: «Детей доброму делу учи; берегись же при них не только худое делать, но и говорить»³⁵. Отдельно заповедовано удаляться от раскола и ереси. Интересно сопоставить «Краткое нравоучение» с аналогичным текстом из Требника 1642 г.³⁶ Основные положения обоих текстов совпадают, однако в Поучении 1642 г. делается акцент на смирении и отсутствии высокоумия, а также упоминает о необходимости воздержания от супружеских отношений в посты и праздники³⁷. В «Кратком нравоучении» указывается на необходимость избегать раскола и ереси, что было актуально после возникновения старообрядчества как постоянного фактора религиозной жизни.

В своих проповедях свт. Димитрий уделял особое внимание теме должного покаяния. Однако митрополит обращает внимание слушателей прежде всего на грех вообще, а не конкретные греховные поступки. Следуя православной традиции понимания греха как болезни человека, свт. Димитрий рассматривает грех в антропологическом контексте. Свт. Димитрий разделяет присущие человеку природные страсти на плотские, которые «содержатся в чувствах плотских видимо» и душевные «в невидимом и неведомом сердце»; каждая из них требует особого подхода³⁸.

Однако грехи внешние и внутренние интересуют свт. Димитрия прежде всего своим воздействием на душу человека. Так, вина блудника заключается не в его поступках, а в том, что он целиком предает свой ум помыслам о блудных и скверных делах, через это становясь рабом дьявола и врагом Бога³⁹.

Это воздействие, в свою очередь, также бывает различным. Душа подобно телу делится на внешнее и внутреннее: внешность души это разум, внутреннее — совесть. Грех повреждает разум, превращая человека в подобие скота, неспособного к добродетелям. Повреждение же совести глубже, оно заключается в ложной надежде на всепрощение Божие при повторении раскаянных грехов⁴⁰.

Внимание к состоянию своей души, к своему сердцу является ключевым для спасения. Многие из тех, кто ведут по виду достойную и благочестивую жизнь не наследуют Царства Божия, так как творят свои добродетели лишь

внешне, внутри же оставаясь гордыми, или же, помимо добрых дел, делали другие, неугодные Богу. Хотя нераскаянный грешник вторично распинает Христа и призывает на себя суровое наказание⁴¹, любой грешник, кающийся в своих грехах, становится праведником и святым⁴².

Эта озабоченность чистотой внутренней жизнью человека находит свое наибольшее выражение в двух произведениях свт. Димитрия: «Врачество духовное на смущение помыслов, от различных отеческих книг вкратце собранное» и «Внутренний человек в клети сердца своего уединен». «Врачество духовное» представляет собой сборник цитат из разнообразных сочинений, посвященных хульным и греховным помыслам одолевающих человека⁴³. Во вступлении к «Врачеству» свт. Димитрий пишет, что злые мысли становятся грехом только в том случае, если человек принимает их и начинает услаждаться ими. В противном случае никакой вины на человеке нет, так как источник подобных помыслов — демоны.

«Внутренний человек»⁴⁴ посвящен умной молитве и шире — принципам духовной жизни человека. Основная идея произведения в том, что истинной целью молитвы является посвящение своего ума Богу. Поэтому единственно правильной является умная молитва, которую человек творит в своем сердце, лично обращаясь к Богу. Человек, который не знает «о тайном в сердцах с Богом беседовании»⁴⁵, а молится только по книгам или же без внимания, подобен слепому. Одной из форм личного собеседования с Богом, для свт. Димитрия было ежедневное покаяние в грехах. Свт. Димитрием был написан текст такой ежедневной покаянной молитвы, предлагавшийся как пример для подражания. «Молитва повседневно к Богу исповедания»⁴⁶ весьма пространна и эмоциональна, однако в конце свт. Димитрий вкратце передает ее главную суть: «1) Исповедую Богу моему вся грехи моя; 2) сужду себе недостойна бытии милосердия Его, но вечных мук достойна; 3) обаче не отчаиваюся; 4) смиренно прощения прошу; 5) полагаю намерение исправления жития своего; 6) верую несумненно прощенным быть грехом моим»⁴⁷.

Представление о грехе в произведениях свт. Димитрия имеет две характерные черты. Первая — свт. Димитрия интересует не конкретные прегрешения, но грех вообще как разрушительная сила, действующая в человеке, он учит паству о грехе и борьбе с ним с позиций высокого богословия. Вторая — главное внимание свт. Димитрий неизменно уделяет грехам душевным, которые не только порождают телесные грехи, но и обесценивают внешние добродетели. Свт. Димитрий призывает паству следить за своим «внутренним человеком» и посвящать Богу свой ум, упражняясь в Богомыслии. Таким образом, покаяние для свт. Димитрия — это глубоко личностный акт примирения человека с Творцом, который уничтожает грех и делает возможным соединение с Богом, возможное только «крайнею сердечною любовью»⁴⁸.

Понимание греха, выраженное в творениях свт. Димитрия не является чуждым и радикально новым или чуждым для великорусской религиозной традиции. Стремление к более глубокой духовной жизни и очищению души не только от внешних грехов, но и от грехов душевных, постоянно нарастает

в русской исповедальной литературе с XVI в. Учение свт. Димитрия о грехе является продолжением и дальнейшим развитием этого процесса. Стремление свт. Димитрия рассматривать грех с точки зрения высокого богословия, не как «ошибку», но как болезнь души, препятствующую Богообщению, также не является новшеством. Задача донесения до широких масс верующих как можно более полного объема вероучительных истин является одной из черт процесса конфессионализации. В западнорусских землях эта тенденция становится ярко выраженной в трудах свт. Петра Могилы и авторов могилянской традиции, в Великороссии — в книжной справе, осуществленной под руководством патр. Никона и в последующих работах столичных книжников второй половины XVII в.

Отдельно следует отметить, что в творения свт. Димитрия красной линией проходит мысль о недостаточности привычного «обрядового исповедничества» для истинного покаяния⁴⁹. Это позволяет сделать вывод о том, что индивидуализированное понимание греха в нач. XVIII в. не было широко распространено. Наставление мирян вниманию к своей душе и более глубокому пониманию греха зависело в большей степени не от архиерея, а от священников, принимающих исповедь.

**

¹ Интернализация — термин в психологии, означающий процесс превращения внешних реальных действий, свойств предметов, соц. форм общения в устойчивые внутренние качества личности через усвоение индивидом выработанных в обществе (общности) норм, ценностей, верований, установок, представлений и т.д.

² Foster M. Catholic Revival in the Age of Baroque. Cambridge, 2004. P. 133.

³ Ibid. P. 151.

⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации. М.; СПб., 2001. С. 141, 264, 266.

⁵ Корзо М. А. Проблемы нравственного реформирования общества в эпоху раннего Нового времени // Этическая мысль. М., 2003. Вып. 4. С. 89–91.

⁶ Tentler Th. Sin and confession on the eve of the Reformation. Princeton, N.J., 1977. P. 154.

⁷ Myers D. “Poor, Sinning Folk”. Confession and Conscience in Counter-Reformation Germany. Cornell University Press, 1996. P. 199.

⁸ Лютер М. Краткий катехизис д-ра Лютера. Erlangen. Б. г. С. 31.

⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации... С. 141.

¹⁰ Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 1914. С. 122.

¹¹ Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006. С. 263.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 439–442.

¹⁴ Там же. С. 493–494.

¹⁵ Требник. М., 1642. Л. 34–44.

¹⁶ Сазонова Н. И. Изменение богослужебного текста как направление трансформации религиозного сознания: на материале литургической реформы патр. Никона. Диссертация на соискание степени доктора философских наук. Томск, 2009. С. 134.

¹⁷ Там же. С. 186.

¹⁸ Там же. С. 202.

¹⁹ Требник. М., 1658. С. 68.

²⁰ Требник. М., 1697. Л. 28–29 об.

²¹ Корогодина М. В. Исповедь в России... С. 327

²² Требник. М., 1643. Л. 91–22 об.

²³ Там же. Л. 39.

- ²⁴ Требник. М., 1658. С. 67.
- ²⁵ Корогодина М. В. Исповедь в России... С. 287.
- ²⁶ См. напр.: Требник. Вильно, 1621.
- ²⁷ См. Евхологион. Киев, 1646. С. 337–358.
- ²⁸ Агеева Е. А. Требник 1658 г.: история издания // Патриарх Никон и его время. М., 2002. С. 174–188.
- ²⁹ Однако следует учитывать, что Евхологион свт. Петра Могилы, в свою очередь, составлялся по образцу греческих требников, и тем самым отражал греческую традицию. См. Крыжановский Е. М. Собрание сочинений. Киев, 1890. Т. 1. С. 126, 133.
- ³⁰ Требник. М., 1658. С. 68.
- ³¹ О степени влияния труда арх. Иннокентия Гизеля на русское нравственное богословие говорит не только популярность «Мира с Богом человеку» в XVIII в., но и то, что книга использовалась при составлении позднейших старообрядческих сочинений, посвященные таинству Покаяния. См.: Корогодина М. В. Два старообрядческих исповедных сборника: новшества в традиционном тексте // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 133–137.
- ³² Иннокентий Гизель // ПЭ. М., 2009. Т. 22. С. 748.
- ³³ Корзо М. А. Внешняя традиция как источник вдохновения. К вопросу об авторстве киевских и московских православных текстов XVII в. два примера // Studi Slavistici VI (2009). Firenze, 2009. P. 62–72.
- ³⁴ Димитрий Ростовский, свт. Сочинения. М., 1835. Т. 5. С. 26–27.
- ³⁵ Там же. С. 26.
- ³⁶ Требник. М., 1642. Л. 106–109 об.
- ³⁷ Этот момент важен тем, что отражает распространенное в средневековой русской религиозности понимание супружеского общения как «скверны». Показателен отказ от пристального внимания к «скверне» после реформ патр. Никона и, наоборот, сохранение и культивирование этого внимания у старообрядцев, в особенности — у беспоповцев. См.: Крылов Георгий, прот. Понятие «скверна» (погань) в Средневековой Руси и в современном старообрядчестве // Религия как знаковая система: Знак. Ритуал. Коммуникация. Тверь, 2011. Вып. 1. С. 78–120.
- ³⁸ Димитрий Ростовский, свт. Сочинения. М., 1840. Т. 3. С. 175.
- ³⁹ Димитрий Ростовский, свт. Проповеди. Киев, 2009. С. 441–453.
- ⁴⁰ Там же. С. 136–142.
- ⁴¹ Там же. С. 281–282.
- ⁴² Там же. С. 363–376.
- ⁴³ ОР ГИМ. Син. 811. Л. 254–266 об.
- ⁴⁴ Димитрий Ростовский, свт. Сочинения. Т. 1. С. 147–158.
- ⁴⁵ Там же. С. 147.
- ⁴⁶ Там же. С. 137–146.
- ⁴⁷ Там же. С. 146.
- ⁴⁸ Там же. С. 152.
- ⁴⁹ Сукина Л. Б. Митрополит Димитрий Ростовский и его сочинение «Внутренний человек» // ИКРЗ. 2007. Ростов, 2008. С. 38–39.